

На правах рукописи

РЫНКОВ ВАДИМ МАРКОВИЧ

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ВОСТОКЕ РОССИИ
(ИЮНЬ 1918 – ОКТЯБРЬ 1922 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург–2021

Работа выполнена в секторе аграрной истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Голдин Владислав Иванович**,
д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет», Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Ганин Андрей Владиславович,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»

Шевелев Дмитрий Николаевич,
д-р ист. наук, доцент, заведующий кафедрой древнего мира, средних веков и методологии истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Защита состоится «28» апреля 2021 г. в 11.00 ч. на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1001).

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата размещен на официальном сайте Института истории и археологии УрО РАН по адресу: <http://www.ihist.uran.ru/diss/info/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Л.А. Дашкевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность. В мировой истории масштабные войны сопровождаются экономическими кризисами, значительным падением уровня жизни населения, массовой вынужденной миграцией, обостряют тлеющие в обществе социальные конфликты и порождают новые. Состояние вооруженного конфликта не просто активизирует государственное участие в жизни общества, оно актуализирует именно социальные функции государства. В то же время война требует от власти концентрации ресурсов на военные нужды в ущерб удовлетворению социальных. Данное онтологическое противоречие расширяет и усложняет социальную политику в условиях войны, заставляет маневрировать в поисках выхода.

Гражданские войны относятся к числу самых сложных вооруженных конфликтов, сопровождаются фрагментацией государства. Россия в годы Гражданской войны надолго оказалась в условиях распада единой государственности и в силу этого – резкого сокращения возможностей правительственного аппарата воздействовать на население и управлять им. На востоке России сложился крупнейший очаг сопротивления власти большевиков, обладавший целостностью и одновременно сложной динамикой, наибольшим количеством исторических вариаций и альтернатив, что открывает широкие исследовательские перспективы.

Изучение социальной политики антибольшевистских правительств позволит понять, каким образом созданные в условиях Гражданской войны органы власти и управления решали самый сложный комплекс стоявших перед ними социальных проблем. Понимание того, какими путями и с каким результатом в лагере противников советской власти реализовывались основные направления социальной политики, как реагировало на них общество, как применяемые государственной властью меры повлияли на ход и исход Гражданской войны, является необходимым звеном создания целостной картины этого важнейшего периода российской истории. Наконец, исследование социальной политики государства в условиях его распада, дробления и ослабления актуально с точки зрения аккумуляции мирового опыта, позволяет поставить пример антибольшевистского лагеря Гражданской войны в контекст мировой практики, разобраться, каковы общие и особенные черты трансформации социальных функций государства под воздействием кризисных явлений.

Степень изученности темы. Анализ историографических исследований свидетельствует о слабой разработке темы социальной

политики. Для более полного понимания историографической ситуации необходимо проследить динамику изучения истории восточного лагеря контрреволюции в целом и в ее контексте детально рассмотреть результаты анализа социальной политики антибольшевистских правительств. Такой подход позволит обозначить решенные научные проблемы, определить их место в структуре изучаемой научной проблематики, выявить причины, по которым в разное время одни аспекты темы скрупулезно исследовались, другие находились на периферии научного анализа, третьи предавались забвению.

Историография Гражданской войны подразделяется на отечественную и иностранную. Отечественная включает советскую, эмигрантскую и современную российскую.

Советская историография при относительной целостности и единстве прошла в своем развитии три этапа.

На первом этапе, в 1920-е гг., появились первые исследования, основанные на архивных изысканиях и анализе статистических данных. Интерес историков сосредоточился на политической истории и анализе рабочей политики. В.И. Шемелев, А.П. Танеев и Я. Кальнин обосновали тезис о том, что падению уровня жизни и реальной заработной платы рабочих способствовала позиция власти и ее готовность выполнять требования буржуазии¹. В публикациях 1920-х гг., тесно связанных с политической публицистикой, преобладал дух обличительства по отношению к стороне, потерпевшей поражение в Гражданской войне.

На втором этапе, в 1930-е – начале 1950-х гг., интенсивность исследований снизилась, они практически ограничивались военными сюжетами. В конце периода оживилось изучение иностранной интервенции, участников которой советские историки стремились показать главными виновниками Гражданской войны.

На третьем этапе, продолжавшемся с середины 1950-х гг. до распада СССР, изучение Гражданской войны активизировалось и вышло на новый уровень. Были опубликованы сборники документов и мемуаров, освещающие борьбу за власть советов в общероссийском и региональном масштабе, обобщающие труды по истории Гражданской войны в России, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в отдельных регионах, задавшие приоритеты изучения науч-

---

¹ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / сост. В.И. Шемелев. Новосибирск, 1928; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводным очерком А. Танеева. Свердловск, 1929; *Кальнин Я.* Труд при «белых» // Сибирские огни. 1929. № 3. С. 134–142.

ной проблематики. Изыскания велись с опорой на более широкий круг источников, в том числе на документы противников большевиков, но преимущество отдавалось крайне политизированным историко-партийным материалам.

Предметом специального изучения стала история возникновения, эволюции, гибели антибольшевистских правительств. Социальная политика антибольшевистских правительств исследовалась фрагментарно, исключительно в связи с анализом классовой составляющей внутренней политики, классовой природы самих органов власти. Более того, даже само выделение социальной политики в качестве самостоятельного направления считалось недопустимым. При этом исследования рабочего и профсоюзного движения С.Г. Куцего, В.А. Кадейкина, В.А. Кучеряева, участия казачества в Гражданской войне на стороне «белых» Л.И. Футорянского, Л.Д. Машина, Н.А. Хвостова, медицинских учреждений в лагере восточной контрреволюции Г.Х. Риппа, не выходя концептуально за рамки советского классового подхода, содержат большой фактический материал, отражающий соответствующие направления социальной политики антибольшевистских правительств². Изучая интервенцию, А.Г. Евтушевский, Е.А. Привалова и другие авторы обратили внимание на деятельность иностранных благотворительных организаций на территории России, рассматривая ее как часть завоевательной политики иностранных государств³.

Эмигрантская историография имела принципиально другую источниковую базу и не испытывала давления монополярной идеологии. Тем не менее ее тематические приоритеты оказались еще уже, чем в советской научной литературе, почти ограничиваясь политической и военной историей. В результате исследователи эмиграции не внесли

---

² Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная: большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Кемерово, 1968; Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984; Рипп Г.Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987; и др.

³ Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 г.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1980; Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990; и др.

ничего нового и оригинального в изучение социальной политики антибольшевистских правительств.

В иностранной научной литературе основное внимание уделено исследованию причин интервенции, ее ходу и итогам, деталям пребывания воинских формирований интервентов на территории России. При описании деятельности антибольшевистских правительств иностранная историография опиралась на работы эмигрантских и советских предшественников и не содержала ни нового фактического материала, ни новых интерпретаций известных фактов.

Единственный аспект социальной политики, исследованный в зарубежной историографии детально и с привлечением уникальных источников – оказание международными благотворительными организациями социальной помощи населению, армии и военнопленным центральных держав в восточных регионах России. Введя значительный фактический материал, К. Файк, Ф. Миллер, Дж. Девис, Дж. Шлейхер, Дж. Полк и другие авторы обошли вниманием российские органы власти и общественные организации, осуществлявшие социальную помощь населению⁴.

После распада СССР начинается новый этап в развитии отечественной историографии. Современную российскую научную литературу отличает кардинальная смена проблематики и исследовательских подходов. На второй план ушли проблемы истории коммунистической партии, партизанского и подпольного движения. Основной исследовательский интерес сосредоточился на истории антибольшевистского лагеря. Отличительной чертой современных исследований является обращение историков к эмигрантской и зарубежной историографии, привлечение новых и более разнообразных по видовому составу и происхождению источников, критическое использование багажа советской исторической науки.

Наибольшую активность исследователи проявили в реконструкции и попытках переосмысления событий политической борьбы на востоке России, участия в них национальных движений, в изучении военных действий Белой армии и биографий военно-политических лидеров. Среди менее разработанных проблем – фор-

---

⁴ *Miller F.* The wild children of the Urals. N-Y., 1965; *Schleicher J.* Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Ersten Weltkriegs in Russland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen.* 2000. № 10. S. 63–109; *Polk J.A.* Constructive efforts: The American Red Cross and YMCA in Revolutionary and Civil War Russia: PhD Thesis. University of Toronto, Toronto, 2012; и др.

мирование и функционирование государственного аппарата, деятельность отделений политических партий и общественных организаций на востоке России. Многочисленные публикации по вышеперечисленной тематике различаются по источниковой базе, методологии и исследовательским подходам, глубине разработки научных проблем.

На фоне возросшего интереса к истории антибольшевистского лагеря, существенного роста числа публикаций о его восточной ветви результаты исследований отдельных направлений внутренней политики, в том числе социальной, представляются более чем скромными.

В традиционной для советского периода проблематике обозначены новые аспекты и сделаны новаторские выводы. О.Ю. Никонова показала вполне конструктивный характер диалога власти с рабочими организациями на Урале⁵. М.К. Шаццлло рассмотрел деятельность предпринимательских организаций и пришел к выводу, что решение рабочего вопроса стало одним из оснований для тесного взаимодействия с властью⁶. Круг изучаемых научных проблем расширился за счет анализа отдельных направлений социальной политики, ранее не привлекавших внимание. В историографии рассмотрено материальное положение некоторых групп служащих: милиции, учителей, медиков.

Появление монографии И.В. Нарского обозначило и во многом стимулировало изменение научной проблематики, сориентированной на изучение не политики в отношении отдельных социальных групп, а деятельности власти по решению социальных проблем⁷.

Публикации Ю.П. Горелова, Е.В. Лукова, А.А. Мышанского, К.С. Тишкиной, А.В. Шаламова и других авторов содержат большой фактический материал о работе учреждений здравоохранения, о деятельности органов управления и общественности по организации социальной помощи нуждающимся – инвалидам, сиротам, беженцам⁸.

---

⁵ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996.

⁶ Шаццлло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М., 2008.

⁷ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁸ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 182–194; Тишкина К.А. Помощь возвращавшимся из плена в 1918–1920 гг.

Нередко проблема изучается в более широких хронологических рамках. Авторы отмечают значительность усилий, предпринимаемых антибольшевистскими правительствами по разрешению социальных проблем, организационную, правовую и кадровую преемственность с дореволюционным периодом. Особенностью упомянутых исследований является преимущественно фактографический характер, локальные и региональные территориальные рамки, отсутствие обобщающих выводов и концепций. Но введенные в научный оборот факты дают основание считать социальную политику одним из важнейших направлений деятельности антибольшевистских правительств.

С начала 2000-х гг. появились публикации, в которых сформулирована цель исследования социальной политики антибольшевистских правительств в территориальных рамках отдельных регионов⁹. Однако под социальной политикой каждый из авторов подразумевает только один из ее аспектов, не рассматривая вопрос о других ее составляющих.

Развитие исторической науки на современном этапе позволило существенно расширить проблематику исследований и их источниковую базу. Однако в изучении социальной политики антибольшевистских правительств современная историография находится на уровне накопления эмпирических знаний и формулирования выводов по частным научным проблемам, изучаемым изолированно друг от друга. В исторической литературе не сформировалось представление о структуре и основных направлениях социальной политики антибольшевистских правительств.

Цель исследования – изучить основные направления, методы реализации и результаты социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России с июня 1918 по октябрь 1922 г. как часть российского и мирового опыта. Для достижения цели необходимо решить следующие научные **задачи**:

русским воинам (на примере Западной Сибири) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 161–179; и др.

⁹ *Иванов В.В., Кудинов М.А.* «Третий путь» в социальной революции 1917–1921 гг.: проблемы социальных преобразований в годы гражданской войны. (На материалах Комитета членов Всерос. учред. собрания). М., 2003; *Кабытова Н.Н.* Социальная политика Комуча (1918 г.) // Известия Самарского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 4. С. 95–99; *Тормозов В.Т., Письменский Г.И., Письменский А.Г.* Гражданская война и белое движение: вопросы национальной и социальной политики. М., 2013; и др.

– охарактеризовать состояние социума, институтов государственной власти и общественной самоорганизации в антибольшевистском лагере на востоке России;

– определить структуру, принципы и приоритеты социальной политики органов государственной власти и управления антибольшевистских правительств на востоке России;

– проанализировать основные направления социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России;

– проследить характер взаимодействия государственных и общественных институтов в процессе выработки и проведения в жизнь основных направлений социальной политики;

– выявить особенности эволюции социальной политики различных антибольшевистских политических правительств;

– рассмотреть результаты реализации социальной политики органов власти и управления в антибольшевистском лагере на востоке России;

– установить роль органов государственной власти в амортизации или усугублении негативных социальных последствий войны для общества и причины, препятствовавшие эффективному выполнению государством своих социальных функций.

Объект исследования охватывает органы государственной власти и управления и общество восточных регионов России в антибольшевистский период Гражданской войны. В разное время территория востока России находилась под властью нескольких антибольшевистских правительств и органов регионального, национального и сословного управления, претендовавших на роль автономий, среди которых значимостью и результативностью отличалась деятельность Временного Сибирского и Российского правительств. Таким образом, объект исследования обладает сложностью и динамизмом.

Предмет исследования – деятельность органов государственной власти и управления, направленная на организацию и регулирование социальной сферы, поддержание качества и уровня жизни населения, удовлетворение социальных потребностей личности и социальных групп населения.

Территориальные рамки исследования включают все пространство востока России (Поволжье, Прикамье, Урал, Степной край, Сибирь и Дальний Восток, полосу отчуждения КВЖД), находившееся под властью антибольшевистских сил в разные периоды Гражданской войны.

Хронологические рамки определяются периодом существования антибольшевистских политических режимов на востоке России. Начальная хронологическая граница (конец мая – начало июня 1918 г.) обусловлена созданием первого государственного образования на востоке России, альтернативного советской власти, конечная (октябрь 1922 г.) – падением последнего антибольшевистского государственного образования на Дальнем Востоке.

Теоретические и методологические основы исследования. Конкретно-исторический характер исследования предполагает опору на исторические методы, но его цель предусматривает использование инструментария смежных общественных наук: социальной философии, политической теории, социологии, правоведения, экономики, конфликтологии.

Структурирование фактического материала в диссертации осуществлялось с опорой на проблемно-аналитический метод. Применение историко-генетического метода позволило проследживать отдельные явления социальной политики в их развитии с акцентом на генезис. Историко-сравнительный метод применялся при анализе российской и мировой практики социальной политики. Он позволил выявить общее и особенное в изучаемом предмете путем проведения нестрогих аналогий. При изучении историографии использовался метод периодизации.

Анализ дискуссий о содержании ключевого понятия «социальная политика» и о структуре социальной политики позволил обосновать в диссертации узкую трактовку этого понятия как политики, проводимой государством, структурировать основные направления социальной политики антибольшевистских правительств. В изучаемый период ни в теории, ни в управленческой практике не существовало представлений о социальной политике в ее современной трактовке. Очевидно, что предмет диссертационного исследования является исследовательским конструктом, прибегнуть к которому необходимо для решения поставленных задач.

Исследования социальных философов (Дж. Ролс, П. Козловски, А. Сен) дают теоретическую основу для суждений о целях социальной политики и критериях достижения социальной справедливости. Особенности социального регулирования в периоды экономических кризисов и острого дефицита экономических ресурсов рассмотрены с использованием исследований экономистов (А. Пигу, Я. Корнай, Ф. фон-Мизес). Теоретической основой изучения российского социума в 1918–1922 гг. стали исследования социальных процессов в усло-

виях революций и кризиса ценностей (П.А. Сорокин, Р. Мертон, В.А. Мау), а также социальных и экономических аспектов трудовых отношений (А. Пигу, К. Поланьи, Дж. Акерлоф).

Для изучения государственных институтов в период распада государства, особенностей природы возникших в ходе Гражданской войны субъектов политических отношений привлекались исследования по проблемам государственных и государствовподобных образований, самопровозглашенных государств (Д. Гельденхай, Н. Касперсен). При исследовании способов легитимации новой власти использованы концепции теоретиков права (Дж. Остин, Г. Кельзен), сравнительного государствоведения (М. Кревельд). Ключевая роль отведена концепции политической диктатуры К. Шмитта. В результате обоснована целесообразность рассмотрения органов власти и управления восточной контрреволюции как государственных.

Особенности используемой политической терминологии (белое движение, антибольшевистский лагерь, контрреволюция) проанализированы с привлечением исследований по истории Гражданской войны в России (П.Н. Милуков, Н.Н. Головин).

Источниковая база исследования может классифицироваться по различным основаниям: происхождению, месту хранения, носителям, видам.

Основная масса использованных источников создавалась в недрах государственных органов различного уровня (высших, центральных и местных) и ведомственной принадлежности. Широко привлекались источники негосударственного происхождения – документы органов земского и городского самоуправления, кооперации, предпринимательских, профсоюзных и иных общественных организаций и политических партий, созданные отдельными гражданами. Они извлечены из 96 фондов 4 федеральных 20 региональных архивохранилищ, 177 периодических изданий, а также из оперативных, популярных и научных публикаций. Используемая в диссертации периодическая печать представлена изданиями всех изучаемых регионов, новостными, пропагандистскими и научно-аналитическими, включает официальные газеты и журналы, издания общественных организаций и частных издателей, как лояльные политической власти, так и оппозиционные.

Абсолютное большинство источников являются письменными, выполнены на бумажных носителях. Многие из них выявлены в электронных хранилищах в форматах PDF, DJVU, Jpeg или им подобных,

что позволяет знакомиться с электронным текстом, идентичным бумажному.

По видовой принадлежности использованные источники подразделяются на законодательные, нормативные акты подзаконного характера, делопроизводственные документы, публицистические, информационно-повествовательные, мемуарные и эпистолярные источники, научные исследования и художественную литературу. Каждый вид имеет внутреннюю структуру, анализ которой сделан с опорой на источниковедческую литературу. Диссертантом обоснованы особенности отбора и изучения основных разновидностей источников каждого вида. Приемы критики источников зависят от видовой принадлежности, обстоятельств и цели создания.

Диссертантом выявлен и проанализирован почти полный комплекс законодательных источников антибольшевистских правительств. Привлекались преимущественно официальные публикации. Но для проверки полноты выявленных законодательных источников и дополнения их неопубликованной части осуществлен дополнительный поиск в архивах. Ретроспективное изучение многих научных проблем потребовало привлечения законодательства царского, Временного и советского правительств. По возможности они извлекались из официальных публикаций.

Архивные документы анализировались в контексте единых делопроизводственных комплексов, созданных фондообразователями, с учетом особенностей ведомственной делопроизводственной культуры. При этом одновременно изучался и каждый отдельный документ, устанавливалось его место в системе делопроизводства, уникальность, ценность и полнота содержащейся в нем информации. Многие делопроизводственные источники сохранились в большом количестве копий и экземпляров в архивах, публиковались в периодической печати или в виде отдельных изданий. Их выявление позволяет проследить особенности циркулирования информации.

Особое внимание уделено распорядительным документам, принимаемым учреждениями местной власти, военным командованием, органами местного самоуправления. Работа с протоколно-резольютивной, директивной, отчетной и другими группами разновидностей делопроизводственных документов, исходящих из разных ведомств или уровней управления одного ведомства, является необходимым условием получения более надежной и достоверной информации.

Использование периодики открывает возможность восполнить недостающую информацию о событиях, перепроверить ее надежность, в том числе и за счет перекрестного анализа архивных и опубликованных делопроизводственных документов, новостных и прочих источников. Опираясь на периодическую печать, можно проследить динамику, территориальные различия и медийный контекст изучаемых фактов, а также проанализировать разные ведомственные, общественные и авторские позиции в отношении конкретных событий. Неоценимую роль при этом играют информационно-повествовательные источники – сообщения информационных агентств, хроникальные заметки.

Публицистика, источники личного происхождения и художественная литература, при всей их субъективности, являются чутким барометром общественных настроений. При использовании повествовательных источников предпочтение отдавалось тем из них, которые по времени создания ближе к отражаемым событиям, прежде всего оперативным публикациям в прессе. В отдельных случаях привлекались научные источники – исследования ученых, современников изучаемых событий, в периодической печати и отдельными изданиями.

Сохранившиеся исторические источники позволяют решить поставленные в диссертационном исследовании задачи. Разные группы источников дополняют друг друга и дают возможность критического анализа имеющейся информации. Главной проблемой является не дефицит информации, а ее избыток, что только актуализирует задачу правильной организации источниковой базы и расстановки исследовательских приоритетов с учетом методов исследования и его теоретических оснований.

Новизна диссертации заключается в постановке исследовательских задач, целостности и системности изучения предмета, широких территориальных и хронологических рамках. Ранее тема практически не исследовалась, сделаны лишь первые шаги в изучении ее отдельных аспектов применительно к отдельным регионам или правительствам. Впервые в историографии изучены основные направления социальной политики всех существовавших на востоке России антибольшевистских правительств. В рамках каждого направления исследованы проекты решения социальных проблем, их теоретические и идейные основания, ход обсуждения, нормативно-правовое воплощение, степень и масштаб реализации, непосредственные результаты, прямые и косвенные долговременные последствия, реакция

населения на действия органов власти. Исследование проведено с максимальной опорой на первоисточники. Значительная часть из них вводится в научный оборот впервые. Эмпирический материал проинтерпретирован на основе современных политико-философских, социологических, экономических и правовых теорий, большинство из которых впервые применены для изучения событий Гражданской войны.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Антибольшевистские правительства на востоке России связаны общей вооруженной борьбой против советской власти, общностью политических, социальных, экономических процессов и близостью нормативно-правовой базы. Их рассмотрение в единстве и целостности позволяет выявлять черты сходства и особенности проведения внутренней политики.

2. Наиболее детальную с точки зрения нормативного обеспечения и практической реализации социальную политику разработали Комуч, Временное Сибирское, Временное Всероссийское и Российское правительства. Другие государственные образования целенаправленно концентрировали усилия на решении ограниченного круга социальных проблем или не имели реальных рычагов проведения самостоятельной социальной политики.

3. Социальная политика антибольшевистских правительств проводилась на фоне усиливавшихся социальных бедствий населения, возросшей доли расходов на социальные нужды, представляла собой совокупность нескольких взаимосвязанных направлений и осуществлялась в тесном взаимодействии органов власти, местного самоуправления и общественных организаций.

4. На востоке России сформировалась разветвленная сеть центральных, региональных и местных учреждений, созданных специально для проведения одного или нескольких направлений социальной политики. Их структура лишь отчасти отражала проводимую социальную политику и ее приоритеты. Декларируемое приоритетное отношение к социально-трудовой сфере слабо обеспечивалось финансово и организационно. Целый ряд более значимых и затратных направлений реализовывался через подразделения Министерства внутренних дел и Военного ведомства.

5. Важнейшей особенностью социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России являлось детальное нормативное регулирование с опорой на дореволюционное законода-

тельство. Это делало ее предсказуемой, но длительная разработка законодательства лишала необходимой гибкости.

6. Практически все антибольшевистские правительства лавировали между интересами разных групп населения и стремились к поиску социального компромисса, но не имели для этого достаточных административных и финансовых ресурсов, что не позволило сформировать твердую социальную опору власти.

7. Власть на востоке России не могла сдержать падения реальных доходов населения. Деятельность органов власти по регулированию заработной платы вела к сокращению социальной дифференциации и установлению гарантированного минимума.

8. Антибольшевистские правительства стимулировали занятость населения путем регулирования, а не принуждения. Непоследовательные, рассчитанные на «точечное» применение методы трудовой мобилизации не позволили должным образом поддерживать боеспособность армии и обеспечивать бесперебойную работу инфраструктурных объектов.

9. Под влиянием развернувшейся Гражданской войны происходило последовательное увеличение численности групп населения, нуждавшихся в материальной поддержке со стороны государства и общества. Антибольшевистские правительства финансово и организационно обеспечили выплату пенсий и пособий пострадавшим во время военных действий и революционного гражданского противостояния, их родным, семьям призванных в армию, беженцам, эвакуированным рабочим и служащим.

10. Учреждения здравоохранения на востоке России сохранили разную ведомственную принадлежность. Такой вариант позволял диверсифицировать источники финансирования и объединить усилия органов власти, местного самоуправления и общественности, поддерживать работоспособность медицинских учреждений. В то же время сохранялась ведомственная несогласованность и недостаточная централизация усилий и ресурсов.

11. На востоке России правительственная власть в целом сохранила дореволюционную институциональную структуру. Это создавало поле для взаимодействия правительств и общественных институтов. Органы местного самоуправления и общественные организации привлекали благотворительные средства, вводили натуральные повинности, в значительной мере кадрово обеспечивали социальную работу. Главным финансовым источником для социальной помощи населению оставались средства, выделяемые органами власти.

12. Политика антибольшевистских правительств оказалась более человекоберегающей, но менее мобилизационной. Она в целом исключала классовые принципы, позволявшие сужать круг лиц, получающих социальную поддержку. Доля тех, кто пользовался помощью правительственных и общественных институтов на востоке России при антибольшевистских правительствах, оказалась больше, чем при советской власти в период Гражданской войны. Придерживаясь в основном экономических принципов хозяйственной деятельности, антибольшевистские правительства не могли, а в основном и не стремились концентрировать материальные и человеческие ресурсы под контролем государства, оставляли больше возможностей для выживания населения и его адаптации к бедствиям Гражданской войны. Обратной стороной такой приверженности экономическим методам хозяйствования и относительной толерантности в идейно-политической сфере стала неспособность аккумулировать ресурсы для быстрого решения важнейших задач, в том числе задач социальной политики.

Практическая значимость. Приведенный в диссертации фактический материал и выводы могут быть использованы для детализации теоретических проблем социологии, экономики и права, в сравнительно-исторических исследованиях истории революций и гражданских войн, при проведении конкретно-исторических исследований в области истории России и ее регионов, при подготовке учебных курсов и учебных пособий по истории, при создании музейных и выставочных экспозиций, архивоведческих обзоров.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования изложены в 90 научных публикациях общим объемом 138,05 п.л., включая две монографии, 18 статей, опубликованных в рецензируемых изданиях, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук и доктора исторических наук, апробированы в докладах на международных научных и научно-практических конференциях в Омске (2000, 2003), Кемерово (2003), Благовещенске (2010), Архангельске (2011), Новосибирске (2008, 2011, 2017, 2018), Владивостоке (2014), Чите (2020), всероссийских научных и научно-практических конференциях в Красноярске (1999), Иваново (2003), Кургане (2007), Архангельске (2009), Челябинске (2009), Томске (2009), Новосибирске (2011, 2013, 2018, 2019, 2020), Оренбурге (2011, 2013), Барнауле (2018), межрегиональной научной конференции (Новосибирск (2010) и региональных

научных и научно-практических конференциях в Новосибирске (2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2009), Благовещенске (2007), Нижневартовске (2008), Уфе (2013), использованы при чтении специальных курсов в Гуманитарном институте Новосибирского государственного исследовательского университета.

Структура работы обусловлена целью и задачами диссертационного исследования, включает введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, список сокращений, список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, рассмотрена историография, сформулированы цель и задачи, определены территориальные и хронологические рамки, описаны теоретические и методологические основы, сделан аналитический обзор использованных источников, приведены положения, вынесенные на защиту.

Первая глава «Гражданская война на востоке России: пространство и институты социальной политики» состоит из трех параграфов и посвящена описанию объекта исследования в его сложности и полноте. В ней исследованы органы власти, сформированные противниками большевиков на востоке России в период с июня 1918 по октябрь 1922 г.; в динамике проанализирована структура ведомств, ответственных за проведение социальной политики, рассмотрены основные общественные организации и политические партии, влиявшие на выработку социальной политики и участвовавшие в формировании общественного мнения, в том числе в оценке результатов деятельности правительственных органов.

В параграфе **1.1. «Политическое пространство Гражданской войны»** дано описание истории возникновения, эволюции и ликвидации девятнадцати органов правительственной власти – двух всероссийских, пятнадцати региональных и двух национальных экстерриториальных, рассмотрены особенности взаимодействия друг с другом, приведены сведения о территории, на которую распространялась власть каждого из них на разных этапах существования.

В первые месяцы 1918 г. очаговое сопротивление советской власти сопровождалось созданием войсковых казачьих органов, национальных правительств и областного Временного Сибирского правительства, разогнанных большевиками, ушедших в подпо-

лье или вставших во главе повстанческого движения. Чехословацкий мятеж позволил этим органам выйти из подполья и совместно с вновь собравшимися общественными группами быстро организовать одиннадцать антибольшевистских правительств. Наиболее влиятельными центрами власти стали Самарский Комуч и Временное Сибирское правительство.

Сложность политической географии востока России летом–осенью 1918 г. обусловлена трудностями создания единого для всего востока России правительства, длительным сохранением автономного управления на уровне регионов, отдельных губерний и даже уездов. Проводя централизацию и объединение, Временное Сибирское, Временное Всероссийское и Российское правительства одновременно пытались выделить крупные административные единицы, наделив широкими административными полномочиями их руководителей – главноуполномоченных и начальников краев. Феномен казачьего сепаратизма подстегивался сохранением войсковых правительств, обладавших территориально-сословной автономией.

Отступление, начавшееся в июле 1919 г. с оставления войсками российской армии Прикамья и Урала, завершилось эвакуацией Российского правительства в Иркутск и его падением, уходом войск Белой армии в Забайкалье и на Дальний Восток. В параграфе рассмотрены попытки главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины Г.М. Семенова удержать власть в Восточном Забайкалье при помощи политических реформ, проанализирована смена правительств в Приморье, показана эволюция их политической ориентации – от коалиции большевиков и умеренных социалистов, нацеленных на прекращение Гражданской войны, до правомонархического режима Правителя Приамурского земского края. На завершающем этапе Гражданской войны на востоке России антибольшевистский лагерь территориально сократился до небольшого пространства Южного Приморья.

Параграф **1.2. «Органы управления социальной политикой»** посвящен анализу состава, полномочий и руководящих кадров ведомств, отвечавших за формирование и реализацию основных направлений социальной политики каждого из правительств. Дана характеристика органов центрального отраслевого управления в составе каждого из правительств, оказывавших существенное влияние на выработку внутривластного курса.

Наибольшее число функций по реализации социальной политики было сосредоточено в ведомствах внутренних дел. Ведомство

внутренних дел Комуча ведало организацией работы с беженцами, производством социальных выплат. Во Временном Сибирском, Всероссийском и Российском правительствах Министерство внутренних дел отвечало за организацию здравоохранения для гражданского населения, прием и размещение беженцев, содержание учреждений общественного призрения, взаимодействие с органами местного самоуправления при осуществлении ими социальных функций.

В реализацию социальной политики Российского правительства включалось множество ведомств. Обустройством беженцев занималось Министерство земледелия, оказанием помощи возвращавшимся из плена российским военнослужащим – Министерство иностранных дел. Многие медицинские учреждения находились в ведении Главного управления Российского общества Красного Креста. Военное министерство также отвечало за реализацию ряда мероприятий, в частности, взаимодействуя с органами местной власти и МВД, занималось организацией выплат военных пенсий и пособий, в том числе семьям призванных в армию. В структуре министерства существовало военно-санитарное управление, отвечавшее за организацию медицинского обслуживания в армии.

Круг полномочий внутренних органов в правительственной структуре Восточного Забайкалья и правительствах Приморья в 1920–1922 г. оказался несколько уже. За реализацию отдельных направлений социальной политики отвечало правительство в целом или они передавались органам местного самоуправления.

Отдельно рассмотрены органы труда, которые существовали в составе большинства общероссийских и региональных правительств на востоке России. Однако самостоятельную политику в рабочем вопросе проводили пять центров: Комуч, ПриКомуч, Временное областное правительство Урала и находившиеся в Омске Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское и Российское правительства, а в 1920–1921 гг. – управление делами труда Временного правительства Приморской областной земской управы / Временного правительства Дальнего Востока. Естественно, географический масштаб деятельности и глубина проработки мероприятий этих правительств различны, но опыт каждого уникален. Во-первых, каждое пыталось выработать собственную модель отношений с рабочими, во-вторых – занимало совершенно особый регион со специфическими индустриальными традициями, социальным строем. В решении рабочего вопроса больше, чем в других сферах внутренней политики, проявились партийно-политические пристрастия, так как основные

мероприятия в социально-трудовой сфере повсеместно разрабатывали меньшевики или меньшевистски ориентированные лидеры. Их деятельность часто шла вразрез с общим курсом соответствующих правительств, и рабочая политика не всегда вписывалась в общую концепцию социальной политики.

В параграфе 1.3. «**Институты выражения социальных интересов общества**» рассмотрены общественные организации на востоке России, призванные выражать интересы разных общественных групп населения и транслировать власти позицию населения. Эпоха революции резко активизировала общественную жизнь, но одновременно породила большое количество организаций недостаточно представительных, но выступавших от имени широких слоев общественности.

Особое место уделено органам местного самоуправления – городского и земского. Если в Поволжье, Прикамье и на Урале земство существовало несколько десятилетий, имело значительный опыт и солидную материальную базу, то в Сибири и на Дальнем Востоке до установления советской власти оно едва только начинало создаваться. После антибольшевистского переворота городские и земские органы были восстановлены повсеместно. Они предприняли попытки политической консолидации, добивались расширения своих функций, в том числе и в социальной сфере, причем за счет общегосударственных доходов. Для этого земства и города провели несколько региональных съездов, создали объединения в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке, находясь в целом в оппозиции по отношению к власти Российского правительства. В то же время власть использовала земские и городские учреждения для мобилизации кадровых, административных и финансовых ресурсов на нужды фронта, возлагала ряд дополнительных социальных функций на земские и городские службы, перекладывала часть социальных расходов на местные бюджеты.

Другой организацией, пользовавшейся влиянием среди населения, являлась кооперация, объединявшая большинство крестьян и значительную часть горожан. Крупные кооперативные союзы выступали единым фронтом с органами местного самоуправления. Вместе они имели мощное воздействие на общественное мнение, являлись учредителями сети газет и журналов, более влиятельных, чем официальная пресса.

Буржуазные организации на востоке России, представленные биржевыми обществами, военно-промышленными комитетами и другими торгово-промышленными организациями, объединенными в

региональные, отраслевые и Всероссийский советы съездов, имели тесные связи с властью, но утратили влияние на широкие слои населения.

Профсоюзы не были запрещены, большинство продолжало действовать вполне легально, а их отраслевые и общегородские объединения по-прежнему оставались активными участниками политической жизни и имели возможность защищать интересы трудящихся. Но сократилась численность профессиональных организаций, их руководители подверглись репрессиям. В рабочем движении набирала силу неформальная составляющая и подпольные связи.

Отмечена также активная деятельность отделений политических партий, значение которой, однако, не следует преувеличивать. Кадеты широко были представлены в органах власти, а социалистические партии имели возможность воздействовать на общественное мнение и, не будучи инкорпорированы во власть, преуспели в создании оппозиционной контрэлиты. Наибольшее влияние сохранила РСДРП, действовавшая нелегально.

Представительство разных групп населения в общественно-политическом пространстве в виде общественных организаций и иных каналов влияния на власть отличалось значительной географической и социальной несимметричностью. Всеобщий кризис легитимности затронул не только органы власти и управления, но и общественные организации, вызвал ослабление институциональной составляющей общественного взаимодействия, снижая роль формальных институтов власти.

Вторая глава «Государственное регулирование заработной платы» состоит из трех параграфов. В ней исследована политика в области оплаты труда, проанализированы дискуссии, развернувшиеся вокруг упомянутых проблем. Сфера занятости разделена на основные составляющие (гражданские служащие, военнослужащие, рабочие), внутри которых порядок вознаграждения формировался по относительно самостоятельным алгоритмам.

Параграф 2.1. «Оплата труда гражданских служащих» посвящен анализу политики в области формирования доходов работников правительственных учреждений и организаций. В сентябре–октябре 1918 г. Комуч, Временное областное правительство Урала и Временное Сибирское правительство утвердили расписания окладов. Они приспособили к современным условиям дореволюционные принципы дифференциации оплаты труда чиновников, но не учли постоянное падение курса рубля. Повсеместно на востоке России ор-

ганы власти признали обязательство выплатить по новым ставкам зарплату служащим, уволенным при советской власти или отказавшимся от сотрудничества с ней, и приняли решение о размерах и порядке выплаты эвакуационных пособий, начисляемых служащим при отступлении армии из Поволжья.

Российское правительство в конце 1918 – первой половине 1919 г. пошло на введение многочисленных надбавок на дороговизну. Дополняя дореволюционное законодательство, оно разработало детальную нормативную базу с множеством отраслевых и региональных различий. Тем не менее уровень оплаты труда служащих правительственных учреждений оставался крайне низким. Большинству зарплаты не хватало даже на минимальный набор продовольственных продуктов.

В августе 1919 г. Российское правительство выработало новую систему оплаты труда с ежемесячным перерасчетом окладов в зависимости от прожиточного минимума. Слишком высокая инфляционная нагрузка на бюджет и неудачи на фронте приостановили исполнение задуманных преобразований, вместо реализации которых правительство увеличило оклады в три раза, одновременно отменив надбавки.

В результате масштабного отступления второй половины 1919 г. значительная часть служащих оказалась в эвакуации. Эвакуационные выплаты пришлось неоднократно пересматривать в сторону увеличений. Они составили основную часть правительственных расходов на содержание штатов. В связи с неорганизованностью эвакуации служащие получали пособия неаккуратно и часто оказывались без средств.

Чтобы покрыть усилившуюся инфляцию, в 1920 г. режим атamana Г.М. Семенова и правительства Приморья, вместо введения новых надбавок, пошли на кратное увеличение окладов. В апреле 1920 г. Приморская областная палата труда приняла новую единую тарификацию оплаты труда служащих в регионе, индексируемую в зависимости от прожиточного минимума. В дальнейшем все сменявшие друг друга правительства, независимо от идеологических приоритетов, применяли разные ухищрения, чтобы сократить размер выплат.

В параграфе **2.2. «Материальное обеспечение военнослужащих»** рассмотрены принципы и размеры выплат офицерам и нижним чинам, служащим в воинских формированиях на востоке России, приведены сведения об окладах жалованья рядовым и офицерам в

Народной армии Комуча, Оренбургском казачьем войске, Сибирской армии летом–осенью 1918 г. Российским правительством они неоднократно менялись в сторону общего повышения, изменялся порядок начисления, интервалы между окладами разных воинских чинов (прогрессия), различия между размером выплат призванным и добровольцам. В 1919 г. наряду с окладами военнослужащим Российской армии выплачивались надбавки – на дороговизну, фронтовые, столичные и другие. Причем во второй половине года индексация с помощью дополнительных надбавок происходила более интенсивно. Выплаты рядовым оставались относительно низкими и индексировались медленнее, чем офицерам. Жалованье выдавалось с задержками и оставалось недостаточным для содержания военнослужащих. Призванным или ушедшим добровольно с гражданской службы на воинскую выплачивали разницу между воинским и гражданским окладом из средств учреждений, где ранее работал военнослужащий. Данная норма перекладывала часть расходов на содержание личного состава армии на прежних работодателей.

Новую шкалу окладов для своей армии ввел иркутский Политцентр, одновременно уволив в запас офицеров старой армии с выплатой им по старым окладам. Атаман Г.М. Семенов сохранил старую систему колчаковских окладов и надбавок, но стал выплачивать часть жалованья золотом. Эвакуированная в Приморье армия влачила жалкое существование, так как выплата жалованья прекратилась, часть военных уволили. Временное Приамурское правительство возобновило выплату жалованья, но по очень низким ставкам. Фактически это было завуалированным пособием, получателем которого стало беспрецедентное для такого региона количество лиц (до 26 тыс. чел.). Во время военного похода на Хабаровск жалованье перестали выплачивать совершенно, что во многом предопределило поражение «белоповстанческой» армии.

Параграф **2.3. «Заработная плата рабочих»** посвящен исследованию тенденций в оплате труда рабочих и участию правительственных органов в регулировании тарифов и условий оплаты труда.

После Февральской революции заработная плата рабочих неуклонно росла на фоне понижения производительности труда. Поэтому даже руководители рабочей политики антибольшевистских правительств – меньшевики – разделяли мнение владельцев и администрации предприятий о необходимости восстановления сдельной оплаты труда и сдерживания роста тарифов. На Урале и в Сибири губернские и областные органы труда инициировали переговоры вла-

дельцев предприятий и профсоюзов для выработки взаимоприемлемых тарифов. Они выявили различное понимание проблемы. Работодатели исходили из соображений рентабельности, представители работников – из себестоимости рабочей силы при постоянно растущих ценах. Работодатели выступали за усиление прогрессивности тарифных шкал как инструмента стимулирования производительности труда, работники – за их выравнивание. Перевод рабочих на сдельную форму оплаты труда стал причиной крупных трудовых конфликтов, в том числе и затяжных забастовок, самая известная из которых – забастовка железнодорожников в октябре 1918 г.

Власть достаточно жестко реагировала на протесты рабочих казенных предприятий, но занимала нейтральную позицию в конфликтах коллективов с частными предпринимателями. В результате владельцы часто вынуждены были идти на уступки и поднимать заработную плату. Руководители ведомств тоже выступали за увеличение заработной платы рабочим казенных предприятий, но дефицит бюджета позволял удовлетворять такие предложения только частично. Однако уровень оплаты труда даже при периодических индексациях оставался обычно на грани прожиточного минимума или чуть ниже. С осени 1918 г. во всех губернских (областных) и уездных центрах проводился подсчет прожиточного минимума по единой методике, что позволяло производить перерасчет норм оплаты труда. Одной из острейших проблем стала невыплата зарплаты по несколько месяцев ввиду отсутствия средств, что отражало объективную невозможность сохранения оплаты труда длительное время на одном уровне при непрерывном сокращении производства.

Проблема задолженности по зарплате еще сильнее обострилась в Восточном Забайкалье и в Приморье в 1920 г. Работникам отдельных наиболее важных предприятий для поддержания их работоспособности делались уравнительные выплаты в счет частичного погашения долга. В целом же уровень оплаты труда на Дальнем Востоке в 1920–1922 г. упал настолько сильно, что перестал стимулировать занятость.

Антибольшевистские правительства стремились сохранить основные стимулирующие функции денежных форм оплаты труда и недооценили значение натуральных выплат. Они также понимали необходимость дифференциации оплаты труда в зависимости от должностного положения, квалификации и производительности труда. Но дефицит средств и быстрое падение уровня жизни заставили корректировать тарифные шкалы с помощью многочисленных надба-

вок, в результате чего происходило постепенное выравнивание оплаты труда работников.

Третья глава «Социальные трансферты» состоит из двух параграфов. В ней исследованы политика антибольшевистских правительств по выплате гарантированных государством пенсий и пособий, а также сфера обязательного социального страхования, т.е. выплаты трудящимся, обеспеченные обязательными отчислениями в страховые фонды.

В параграфе **3.1. «Пенсии и пособия»** дан анализ начислений социальных выплат из государственного бюджета. Задачу пересмотра принципов и размеров начисления пенсий и пособий поставил в июле–сентябре 1918 г. Комуч, создав для этого специальную комиссию, но не успел решить ее до эвакуации из Поволжья. В июле возобновились выплаты пенсий и пособий оренбургским казакам, пострадавшим в борьбе с большевиками. В Сибири потерявшим работоспособность военнослужащим или семьям убитых выплаты возобновились с первых дней военных действий против Красной армии. В октябре 1918 г. оклады пенсий проиндексировали, в июле 1919 г. увеличили сами оклады. В дальнейшем вводились многочисленные надбавки, синхронные с надбавками к окладам государственных служащих. В феврале 1919 г. специальная комиссия при Штабе верховного главнокомандующего подготовила новую редакцию устава о пенсиях. Внеся в него многочисленные добавления и изменения, комиссия адаптировала устав к условиям Гражданской войны. Принимались также меры социальной поддержки военнослужащих и гражданских служащих, пострадавших в борьбе с большевиками, и членов их семейств.

Особую проблему представляло материальное положение семей, чьи кормильцы служили в армии. Комуч признал право на получение пособий только за семьями добровольцев, переложил обязательства их выплаты на органы местного самоуправления. Временное Сибирское правительство возобновило выплаты из государственного бюджета семьям и добровольцев, и мобилизованных, как призванных в Первую мировую войну, так и воюющих против советской власти. В отличие от действовавшего до революции порядка, теперь пособия и пайки полагались только семьям, не имевшим других доходов. Попечительские советы – специальные учреждения в структуре городских и земских органов самоуправления – производили обследование материального положения всех семей призванных. Правила выдачи пособий и их размер неоднократно менялись. Законодатели реагиро-

вали на изменение уровня цен, военно-политической обстановки, общественные запросы. Пособий лишались дезертиры, семьи призванных на Первую мировую, не вернувшихся после 1 января 1919 г. Размеры денежных выплат и их порядок уравнили для срочников и сверхсрочников, солдат и казаков, а с лета 1919 г. размер пособий стал зависеть от уровня цен на продовольствие. Первые выплаты доходили до получателей с большим опозданием, но постепенно система распределения средств совершенствовалась. В отдельных случаях денежные выплаты заменяли натуральными пайками, трудовой помощью.

Даже в Восточном Забайкалье в 1920 г. власть продолжала заботиться о семьях военнослужащих. Однако в Приморье в 1920 г. выплаты пенсий, пособий гражданским и военным, их семьям прекратились. Временное Приамурское правительство произвело ревизию социального законодательства, сократив объем правительственных обязательств. Пенсии и пособия получали только те, кто имел на это право по дореволюционным законам, а их размер стал зависеть от прожиточного минимума. Вместе с тем правительство выплачивало множество пособий в индивидуальном порядке.

В параграфе **3.2. «Социальное страхование»** рассмотрены меры государственного регулирования социального страхования работников. После антибольшевистского переворота на востоке России больничные кассы продолжали функционировать, но долгое время оставалось не определено, по советским или дореволюционным законам они должны работать. Такое положение вызывало многочисленные конфликты и противоречивые действия местных органов труда. Комуч и Временное областное правительство Урала подготовили законопроекты по изменению страхового законодательства, но не успели их принять, а Российское правительство только 9 января 1919 г. после длительных консультаций приняло новый закон о порядке работы больничных касс.

В целом правительство нашло гармоничное сочетание разных интересов и рассчитывало стабилизировать сферу социального страхования в условиях послевоенного мирного развития. Но принятые меры не учитывали продолжавшийся экономический кризис и военные неудачи, поэтому позитивный результат от них в виде стабилизации работы больничных касс остался кратковременным и неглубоким.

Общее направление развития социального законодательства и практической деятельности антибольшевистских правительств на во-

стоке России до середины 1919 г. было связано с расширением обязательств государства. Это вело к постепенному росту социальных выплат в виде пенсий, пособий, пайков солдатским семьям, росту отчисления работодателей на социальные нужды. Такая политика способствовала сбережению человеческих жизней, но в то же время препятствовала мобилизации ресурсов на военные нужды. Проводимая на стадии усиления хозяйственного и социально-политического кризиса, она оказывала особо дестабилизирующее влияние на экономику.

В четвертой главе «**Социально-трудовые отношения: конфликты и опыт социального партнерства**», которая подразделяется на три параграфа, рассмотрена институциональная основа социально-трудовых отношений, проанализированы особенности функционирования рынка труда и регулирующее воздействие на него со стороны правительственных органов, а также способы разрешения трудовых конфликтов на востоке России в годы Гражданской войны.

В параграфе **4.1. «Поиск организационных форм»** анализируется политика антибольшевистских правительств по отношению к профсоюзам и другим организациям рабочих и их объединениям. Комуч сохранил неприкосновенными все рабочие организации. Крупные профессиональные союзы продолжали играть важную роль в регулировании жизни трудовых коллективов, а также активно вмешивались в управление производством, требуя согласовывать правила внутреннего распорядка, вопросы найма и увольнения и многие другие. В результате правительство не смогло эффективно реализовать меры по восстановлению производительности труда. На Урале первое время действовал порядок, установленный Комучем. В районе Ижевско-Воткинского восстания заводские комитеты стали важной частью аппарата самоуправления в структуре повстанческой власти и следили за поддержанием производства на должном уровне.

В Сибири политика Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства за пять месяцев эволюционировала от сохранения всех органов рабочего самоуправления до введения единоначалия и восстановления жесткой трудовой дисциплины. Тем не менее отдельные фабрично-заводские комитеты в Сибири продолжали работать до весны 1919 г. Министерство труда исходило из права профсоюзов официально представлять интересы рабочих в центральных и местных правительственных учреждениях. До конца года на востоке России была проведена перерегистрация профсоюзов на основе законодательства Временного правительства, не допускавшего

их вмешательства в дела управления производством, а также принудительного членства.

Во второй половине 1918 – 1919 г. количество профсоюзных организаций и численность их членов серьезно сократились, а влияние заметно ослабло. Это было связано с политическими репрессиями в руководстве профсоюзных организаций, падением уровня жизни рабочих, а также сокращением численности самих рабочих промышленных предприятий.

Органы труда антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири привлекали представителей профессиональных союзов к разработке трудового законодательства и предусматривали участие профсоюзов во всех совещательных органах, призванных регулировать трудовые отношения. Противостояние рабочих, работодателей и органов труда оставалось разнообразным по формам, но существовали немногочисленные примеры конструктивного сотрудничества при совместном рассмотрении трудовых конфликтов в примирительных камерах и третейских судах. Проект нового закона о примирительных камерах Министерство труда Российского правительства готовило много месяцев, но он так и не был представлен на утверждение. Однако обширные материалы о трудовых конфликтах, собираемые местными инспекторами труда, свидетельствуют о том, что в основном они были мелкими, не сопровождались забастовками, разрешались в соответствии с действующим законодательством и не требовали многостороннего урегулирования.

На Дальнем Востоке в 1920 г. вновь усилилось влияние профсоюзов, были восстановлены действия фабрично-заводских комитетов, контролировавших деятельность администрации казенных и частных предприятий. Выступление японцев в Приморье 3–5 апреля 1920 г. положило конец всесилю легальных рабочих организаций, но вызвало мощное стачечное движение в регионе.

Параграф 4.2. «Регулирование рынка труда» посвящен анализу факторов, влиявших на рынок труда на востоке России, и методам его регулирования со стороны органов власти.

В период революции и на начальном этапе Гражданской войны в связи с общим экономическим спадом резко усилилась безработица. Факторами, поддерживавшими ее на высоком уровне на востоке России, стали наплыв беженцев, возможность использования дешевого труда военнопленных или мигрантов из Китая и Кореи. Профсоюзы выступали за уравнивание оплаты труда всех категорий занятых, включая военнопленных, китайских и корейских рабочих, а также требо-

вали установить обязательный наем через биржи труда. Органы городского управления широко использовали такую меру стимулирования занятости, как общественные работы. Но многочисленные попытки организации таких работ не окупали затраченных вложений и не приносили результата.

Социалистические Комуч и Временное правительство – Приморская земская управа в разное время и независимо друг от друга нацеливались на ужесточение контролирующих функций правительства, установление жестких обязательств работодателей по заполнению вакансий с оплатой по утвержденным тарифам. Однако даже Комуч, как и другие органы власти летом–осенью 1918 г., допустили сокращение штатов, неоправданно раздутых большевиками, а также сокращение персонала нерентабельных предприятий и учреждений. Широко применялись и политически мотивированные увольнения.

Российское правительство на законодательном уровне пыталось установить барьер против увольнений, усиливая штрафные санкции работодателям. Важнейшим инструментом регулирования рынка труда стали биржи. Комуч и Временное Всероссийское правительство выступили за содержание бирж труда на средства работников, работодателей, органов местного самоуправления и отчисления государства. При этом Комуч пытался ввести обязательный наем через биржи труда и страхование от безработицы, а Временное Всероссийское правительство ограничило функции биржи учетом движения на рынке труда. Это способствовало некоторому оживлению рынка, но позволяло работодателям сокращать заработную плату нанимаемым.

Недостаток рабочей силы власти пытались восполнить не только путем организации свободного найма, но и привлекая военнопленных к работам на оборонных предприятиях. Эти меры оставались непоследовательными, сочетались со стремлением изолировать пленных в лагерях, осложнялись запутанными расчетами между использовавшими труд пленных предприятиями и военным ведомством. Правила трудоиспользования военнопленных многократно менялись.

Еще одним резервом заполнения рынка труда считалась трудовая повинность. Выступая категорическим противником мобилизационных форм занятости, Российское правительство с большими колебаниями утвердило 6 мая 1919 г. закон о трудовой повинности. Он предусматривал мобилизацию отдельных лиц, занятых «интеллигентским» трудом. За лето–осень 1919 г. были мобилизованы медики, юристы, продовольственные работники. Но законодательство не позволяло никого привлекать к неквалифицированному физическому

труду, что в период отступления войск Российского правительства оказалось роковым упущением.

В параграфе 4.3. «Интенсивность труда: взгляд работника и работодателя» анализируется уровень эксплуатации работников на востоке России и позиции по этому вопросу различных правительств. В качестве базового выдвигается тезис о том, что продолжительность и интенсивность рабочего дня, соотношение рабочих и выходных дней зависят от уровня развития производительных сил, а также сложившихся формальных и неформальных норм. Во время революции сокращение объемов производства и революционные преобразования вели к снижению уровня эксплуатации.

После падения советской власти в Поволжье официально, а на Урале и в Сибири неофициально сохранился восьмичасовой рабочий день. Но широко практиковались обязательные сверхурочные, позволявшие гибко увеличить продолжительность рабочего дня. Они были выгодны и работодателям, и работникам, получавшим повышенную оплату.

Условия труда обычно фиксировались в коллективных договорах работников и предпринимателей. Трудовые коллективы выступали инициаторами сохранения выгодных пунктов договоров или требовали их изменения с целью улучшения условий труда. Важным аргументом в борьбе за права были угроза забастовки или забастовка. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что рабочие часто выдвигали завышенные требования к работодателям, наряду с экономическими формулировали политические требования, чтобы добиться частичных уступок. Для усиления воздействия подкрепляли свои требования солидарными действиями, иногда сразу на нескольких предприятиях.

Предприниматели вынуждены были идти на удовлетворение значительной части требований рабочих, что понижало рентабельность предприятий и делало их менее экономически устойчивыми. Отмечены примеры силового подавления забастовки, сопровождавшееся при этом частичным удовлетворением требований бастовавших. Анализ трудовых конфликтов на государственных предприятиях свидетельствует, что правительственная администрация оказалась менее уступчива, а местные органы труда не имели полномочий по урегулированию отношений рабочих и администрации, как в случае конфликтов на частных предприятиях. Владельцы частных и администрации казенных предприятий лоббировали организацию снабжения рабочих дешевым продовольствием, одеждой и обувью, хорошо по-

нимаемая действенность таких дополнительных стимулов удержания рабочей силы.

Протестные действия рабочих способствовали улучшению их материального положения, но в то же время стимулировали эволюцию антибольшевистских режимов в сторону авторитаризма, в целом ухудшали экономическое положение.

Пятая глава «Социальные гарантии» подразделяется на три параграфа. В ней рассмотрены государственное регулирование деятельности благотворительных организаций, проводивших социальную работу с нуждающимися группами населения, объем и условия гарантированной антибольшевистскими правительствами социальной помощи населению, особенности организации медицинской помощи населению и армии, в том числе борьба с эпидемиями, а также государственная политика в отношении беженцев и эвакуированных.

В параграфе **5.1. «Государственное регулирование призрения и благотворительности»** проведен анализ структуры органов и организаций, оказывавших социальную помощь населению, рассмотрены взаимодействие между ними, порядок финансирования, соотношение участия в социальной работе государства, органов местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц.

Забота об учреждениях призрения на востоке России легла на органы местного самоуправления, зачастую неспособные нормально их содержать. Антибольшевистские правительства Поволжья и Урала выделяли средства для поддержания подобных учреждений в виде исключения. Временное Сибирское правительство приняло обязательство покрыть 1/3 расходов земских и городских органов. Совет министров Российского правительства 8 июля 1919 г. передал в ведение департамента общественного призрения МВД все учреждения, ранее принадлежавшие благотворительным комитетам, находившимся под покровительством членов династии Романовых. В действительности департамент даже не успел выяснить количество учреждений, попавших под его управление, и численность контингента «призреваемых». Тем не менее объем государственной поддержки приютам для детей, престарелых и инвалидов в 1919 г. существенно возрос.

Часть учреждений призрения осталась под покровительством Российского общества Красного Креста, союзов земств и городов, российских благотворительных организаций, иностранных миссий Красного Креста. Сохранились подробные свидетельства формирования Главного управления Российского общества Красного Креста, его

деятельности по медицинскому обслуживанию армии и гражданского населения, оказанию благотворительной помощи. Основным финансовым донором для учреждений призрения и медицинских учреждений являлись антибольшевистские правительства, которые удачно использовали кадровый потенциал общественности через субсидирование благотворительных организаций. Российское правительство не только содержало целиком или частично за счет казны многие учреждения общественного призрения, но и само инициировало сбор частных благотворительных средств, создав Объединенный комитет общественных организаций помощи армии и Сибирский военно-благотворительный комитет. Обширный фактический материал отражает деятельность Российского общества Красного Креста и иностранных краснокрестных миссий по оказанию помощи населению на востоке России, в том числе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке после падения Российского правительства.

Таким образом, недостаток средств и организационных возможностей отчасти восполнялся объединением государственных, земско-городских, общественных и частных усилий и источников финансирования. Общественность проявила высокую активность, нашла пути взаимодействия с государственными органами и интеграции с ними для ведения социальной работы. Иностранные благотворительные организации вели масштабную и полезную деятельность, но остались слабо интегрированы в российскую институциональную среду.

Параграф **5.2. «Взаимодействие государства, органов местного самоуправления и общественных организаций в сфере здравоохранения»** посвящен анализу работы гражданских и армейских медицинских учреждений и санитарных служб на востоке России в годы Гражданской войны.

Летом 1918 г. медицинские учреждения находились в ведении органов местного самоуправления или принадлежали общественным организациям. Тогда же появились отдельные, не имевшие центрального управления военно-медицинские службы, созданные путем самоорганизации медиков на местах.

Разразившаяся осенью 1918 г. эпидемия сыпного тифа и других инфекционных заболеваний потребовала объединения усилий учреждений здравоохранения, финансируемых и управляемых МВД Временного Сибирского и Российского правительств. Всего за осень 1918 – весну 1919 г. переболело тифом 131,8 тыс. чел. Правительственные субсидии и кредиты были недостаточны, являлись дополнением к

средствам и усилиям, затрачиваемым земствами и городскими управами на борьбу с эпидемией, но позволили смягчить эпидемическую обстановку. Способ выделения средств оказался крайне забюрократизирован и обусловлен длительными согласованиями, не позволял оперативно реагировать на динамичные изменения обстановки. Отчетная документация МВД и органов местного самоуправления приукрашивала результаты противоэпидемических мероприятий. Несколько улучшило положение создание санитарно-исполнительных комиссий, в марте–апреле 1919 г. объединявших на местах усилия и средства всех ведомств и служб. Они продолжали действовать по мере необходимости до падения Российского правительства, а в Восточном Забайкалье – семеновского режима. В Приморье в 1920 г. им на смену пришел земский врачебно-санитарный совет.

Организация и финансирование учреждений здравоохранения осуществлялись не только через МВД, но также через Главное военно-санитарное управление Военного министерства и Главное управление Российского общества Красного Креста. Проводились закупки медикаментов за границей, восстанавливались сибирские курорты, возобновившие лечение и реабилитацию больных и раненых военнослужащих. Огромные усилия и средства затрачивались на медицинское обслуживание армии, создание госпиталей, летучих санитарных отрядов и военно-санитарных поездов. Финансирование из государственного бюджета дополнялось благотворительными сборами, в значительной мере обеспечивалось добровольными организациями. Такой вариант взаимодействия позволял диверсифицировать источники финансирования и объединить усилия разных институтов власти, местного самоуправления, общественности. В то же время он порождал проблему ведомственной несогласованности и недостаточной централизации усилий и ресурсов.

В период отступления армии и массового беженства осенью 1919 г. восток России захлестнула новая эпидемия инфекционных болезней, прежде всего сыпного тифа. Работа медицинских учреждений в таких условиях представила многочисленные примеры как самоотверженного труда медиков, так и плохой организации, нерационального распределения ресурсов. Деятельность военно-медицинских служб и учреждений Красного Креста Российского правительства продолжилась в конце 1919 – 1922 г. в Степном крае и Сынцзяне, в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Манчжурии.

В параграфе 5.3. «Помощь беженцам» рассмотрена политика антибольшевистских правительств по отношению к вынужденным

мигрантам, меры помощи им в пути и местах вселения, способы организации миграционных потоков, реакция на социальные проблемы, вызванные массовым наплывом беженцев.

Богатый опыт решения проблемы беженства в России был накоплен в период Первой мировой войны. К лету 1918 г. на востоке России находились две группы – гражданские беженцы и эвакуированные рабочие и служащие. К ним сразу прибавились беженцы от большевистского режима и от опасностей военных действий.

Комуч попытался упразднить выплаты пособий беженцам Первой мировой войны, а заботу о нетрудоспособных возложить на органы местного самоуправления. Но поток беженцев из Советской России, а затем отступление из Поволжья с его массовым бегством местного населения и эвакуацией служащих правительственных учреждений вынудил возобновить финансирование из правительственного бюджета. Временному Сибирскому правительству тоже пришлось организовать прием и размещение поволжских вынужденных мигрантов. Основную финансовую и организационную тяжесть работы с беженцами взяли на себя органы местного самоуправления и общественные организации. Если эвакуированным служащим выдавали пособие и заштатное содержание, то гражданские беженцы получали в лучшем случае помощь в пути, а на местах расселения могли рассчитывать только на поддержку общественных организаций.

Осенью 1918 – весной 1919 г. власти Поволжья и Сибири оказали централизованную помощь возвращавшимся из Европы российским военнопленным. Российское правительство подключило для этой цели дипломатические каналы, ресурсы Переселенческого управления и Министерства путей сообщения, обязало земства обеспечить прием и доставку до мест проживания. Только в Сибирь вернулось к апрелю 1919 г. около 60 тыс. бывших военнопленных.

Поражение Белой армии в Прикамье и на Урале привело к формированию второй волны беженцев, более массовой. 4 июля 1919 г. Российское правительство приняло постановление о признании беженцев, предполагавшее транспортировку, питание и лечение всем беженцам в пути за счет государства, выдачу небольшого пособия нетрудоспособным, поддержку детям. Работа правительственных служб и общественных организаций во второй половине 1919 г. была более слаженной. Беженцев оказалось очень много, и правительство рассчитало объем помощи исходя из необходимости обеспечения только пятой части из них. Более масштабные инвестиции были сделаны в строительство зимних барачных для тысяч беженцев в сибир-

ских городах, которые оказались не востребованными в связи со слишком стремительным отступлением. Меры по эвакуации правительственных учреждений очень сильно запоздали, вызвали транспортные заторы и неорганизованное бегство населения поздней осенью 1919 г. Оно продолжилось и в начале 1920 г. уже из Восточной Сибири. Юг Приморья стал в 1920–1922 гг. местом массового скопления беженцев, которым региональные правительства были в состоянии создавать условия для проживания, но не имели возможности оказать необходимую помощь.

На востоке России сохранился симбиоз государства и общественных организаций в борьбе с чрезвычайными социально-демографическими проблемами. Вместе с тем обнаружилось стремление подчинить общественные усилия государственной воле, включить их в единый аппарат социальной работы, что являлось логическим продолжением предшествовавших тенденций развития. Общественная инициатива в период социальных катастроф нуждалась в государственной поддержке, а неповоротливость государственного аппарата сглаживалась за счет гибкости и инициативности общественных деятелей.

В Заключении диссертации сделаны обобщающие выводы.

Структура центральных и местных правительственных органов и служб антибольшевистских правительств, характер их взаимодействия с обществом в значительной мере базировались на опыте Первой мировой войны, скорректированном под влиянием произошедшей в 1917 г. революции, с учетом результатов советских преобразований и начавшейся Гражданской войны. Процесс адаптации системы власти и управления к новым условиям шел с большим запозданием и не отвечал требованиям времени. Тем не менее на востоке России удалось сохранить либо возродить многие государственные и общественные организации дореволюционной эпохи, создать новые объединения макрорегионального масштаба, восстановить деятельность органов местного самоуправления, в значительной мере направленную на решение социальных проблем.

В инфляционной экономике правительственная власть широко использовала «дефолтовую» модель взаимодействия с негосударственными институтами, компенсируя им большую часть социальных расходов с большим опозданием по номинальной стоимости. Это позволяло несколько смягчать давление социальных расходов на бюджет, частично возложить их на органы самоуправления, некото-

рые общественные организации и в конечном итоге – на простых обывателей.

Независимо от политического облика, все антибольшевистские правительства в разной степени стремились стать выразителями идеи социального мира, выступать в качестве арбитра, способного разрешать основные общественные конфликты. Такая нацеленность на учет разнообразных интересов препятствовала необходимой концентрации материальных и людских ресурсов, не позволяла четко установить иерархию политических приоритетов и в соответствии с ней выстроить иерархию распределения социальных льгот. Слабость государственной материальной базы не позволила эффективно ответить на вызовы истории. Но в целом во второй половине 1918 – 1919 г. в антибольшевистском лагере принцип социальной ответственности государства укрепился. На это указывает сравнение с предшествующим периодом революции и с советским режимом. Продолжилось укрепление традиции взаимодействия государства и общества по решению социальных проблем, сложившейся в годы Первой мировой войны. Были подготовлены к запуску механизмы послевоенной социальной стабилизации. Политика антибольшевистских правительств по сравнению с советской оказалась более человекоберегающей, но менее мобилизационной. С этой точки зрения социальная политика большевиков безусловно выигрывала. Хотя утопизма в ней было даже больше, но он носил характер мобилизующей идеологии, не мешал, а способствовал успешному противоборству с противниками.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и сборники документов:

1. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.). Новосибирск : РИЦ НГУ, 2006. 212 с. (13,5 п.л.).
2. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.) Новосибирск : Сибпринт, 2008. 440 с. (25,6 п.л.).
3. Сибирь: история и современность: правовые, экономические и исторические аспекты развития : колл. монография / под ред. С. В. Кущенко, Г. П. Литвиновой. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 440 с. (в соавторстве; 27,5/1 п.л.).

4. Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) : сб. документов / сост. и отв. ред. В. М. Рынков. Новосибирск, 2017. 544 с. (34 п.л.).

**Публикации в рецензируемых научных изданиях,
включенных в перечень ВАК:**

1. Рынков В.М. Оплата труда государственных служащих в Сибири в антибольшевистский период // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1. С. 35–40 (0,6 п.л.).

2. Рынков В.М. Расчеты и просчеты государственного регулирования рынка труда на востоке России в годы гражданской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 40–44 (0,6 п.л.).

3. Рынков В.М. Вторая жизнь: военно-промышленные комитеты на востоке России в антибольшевистский период (июнь 1918 – 1919 год) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 32–38 (0,6 п.л.).

4. Рынков В.М. Между революцией и контрреволюцией: социальная политика Политцентра (5–21 января 1920 года) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 151–159 (0,8 п.л.).

5. Рынков В.М. Жилищная проблема на востоке России в период Гражданской войны (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 7–12 (0,6 п.л.).

6. Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50 (0,5 п.л.).

7. Рынков В.М. Возникновение и деятельность Всероссийского совета съездов торговли и промышленности (лето 1918 – лето 1919 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. № 334. Май 2010. С. 71–78 (0,4 п.л.).

8. Рынков В.М. «В лютую зиму не подобает дереву иметь листву»: представительный орган в условиях военной диктатуры адмирала А.В. Колчака (23 ноября 1918 г. – 18 декабря 1919 г.) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 33–39 (0,6 п.л.).

9. Рынков В.М. Индивидуальные социальные трансферты в Забайкалье и на Дальнем Востоке как элемент социальной политики и идеологии // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 78–83 (0,5 п.л.).

10. Рынков В.М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 27–32 (0,75 п.л.).

11. Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115 (1,2 п.л.).

12. Рынков В.М. Беженцы и принимающий социум: к характеристике социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 70–75 (0,7 п.л.).

13. Рынков В.М. Социальная мобильность буржуазии на востоке России в 1918–1922 гг. // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2015. № 3. С. 86–102 (1,25 п.л.).

14. Rynkov V.M. Channels of Social Mobility of Russian Society: World War I / В. М. Рынков // Былые годы: Российский исторический журнал. 2016. № 3 (43). С. 830–838 (0,8 п.л.).

15. Рынков В.М. Самарская городская дума vs Центральный совет кварталов: штрихи к характеристике политического режима Комитета членов Учредительного собрания // Вестник Самарского гос. ун-та. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 41–49 (1,1 п.л.).

16. Рынков В.М. Путь в никуда: социальная политика Комитета членов Всероссийского учредительного собрания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 110–132 (1,75 п.л.).

17. Рынков В.М. Временное областное правительство Урала: соотношение региональных и общероссийских факторов деятельности (август–декабрь 1918 г.) // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 96–103 (0,7 п.л.).

18. Рынков В.М. «Права революционные, гарантии контрреволюционные»: социальное страхование на востоке России во второй половине 1918 – 1919 г. // Вестник Томского государственного ун-та. 2020. № 454. Май. С. 172–172 (1,75 п.л.).

Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Рынков В.М. Омский военно-промышленный комитет в годы гражданской войны // Гражданская война в Сибири: мат-лы науч. конф. Красноярск, 1999. С. 51–60 (0,45 п.л.).

2. Рынков В.М. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движе-

ния в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия : мат-лы межд. науч.-практ. конф. Омск, 2000. С. 289–298 (0,4 п.л.).

3. Рынков В.М. Сибирская автономия в вихре гражданской войны // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) : сб. науч. статей. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 3–25 (1,5 п.л.).

4. Рынков В.М. Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История «белой» Сибири : мат-лы межд. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 284–288 (0,4 п.л.).

5. Рынков В.М. Будни гражданской войны: поведение горожан в экстремальной экономической ситуации // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах : мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 35–42 (1,1 п.л.).

6. Рынков В.М. На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 годах // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития : сб. науч. стат. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 91–119 (1,5 п.л.).

7. Рынков В.М. Гражданская война в Семиречье в зеркале антибольшевистских документов // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: мат-лы III науч. конф. Омск, 2003. С. 127–129 (0,2 п.л.).

8. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России / В. М. Рынков // Мат-лы III науч. конф. молодых ученых СО РАН, посв. М.А. Лаврентьеву. Новосибирск, 2003. Ч. 2 : Науки о жизни, науки о земле, экономические науки, гуманитарные науки. С. 258–262 (0,4 п.л.).

9. Рынков В.М. Всесибирский совет кооперативных съездов (конец 1918 – 1919 г.) // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 2004. С. 194–197 (0,25 п.л.).

10. Рынков В.М. Государство, личность, массы: террор и насилие в годы гражданской войны // Государство и личность в истории России : сб. науч. статей. Новосибирск, 2004. С. 59–73 (0,9 п.л.).

11. Рынков В.М. Социально-экономическая политика антибольшевистских правительств Сибири (вторая половина 1918 – 1919 г.) // Мат-лы VI науч. конф. молодых ученых СО РАН, посв. М.А. Лаврентьеву. Новосибирск, 2004. Ч. 2 : Науки о жизни, науки о земле, экономические науки, гуманитарные науки. С. 24–28 (0,4 п.л.).

12. Рынков В.М. Гражданская война в России: локомотив истории на развилке дорог // Модернизация и традиция в истории России : сб. науч. статей. Новосибирск, 2005. С. 67–81 (0,8 п.л.).

13. Рынков В.М. Идеюное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние : сб. науч. трудов. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 163–174 (0,5 п.л.).

14. Рынков В.М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России // История Сибири. 1583–2006: проблемы и перспективы : мат-лы регион. молод. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 180–188 (0,5 п.л.).

15. Рынков В.М. Трудовые конфликты в Сибири и на Дальнем Востоке в годы гражданской войны: взгляд «эксплуатируемых» и «эксплуататоров» // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) : сб. науч. статей. Хабаровск, 2007. Вып. 5. С. 74–89 (1 п.л.).

16. Рынков В.М. Трудовые конфликты на востоке России при антибольшевистских режимах: государственное регулирование в условиях общественного противостояния // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск, 2007. С. 298–302 (0,3 п.л.).

17. Рынков В.М. Периодическая печать востока России в годы Гражданской войны: численность, проблемы сохранения и изучения // Наука. Университет. 2007 : мат-лы VIII науч. конф. преподавателей и студентов. Новосибирск, 2007. С. 121–123 (0,3 п.л.).

18. Рынков В.М. Санитарно-медицинские службы на востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны (вторая половина 1918 – 1919 г.) // Чтения памяти проф. Евгения Петровича Сычевского : сб. докладов. Благовещенск, 2007. Вып. 7. С. 232–249 (1 п.л.).

19. Рынков В.М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : мат-лы регион. молод. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 13–22 (0,5 п.л.).

20. Рынков В.М. Индивидуальные социальные трансферты на востоке России в антибольшевистский период Гражданской войны // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв. : Бахрушинские чтения 2007 : межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 2007. С. 109–118 (0,75 п.л.).

21. Рынков В.М. Маргинальные формы вознаграждения за труд в антибольшевистский период Гражданской войны на востоке России // Емельяновские чтения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2007. С. 138–140 (0,25 п.л.).

22. Рынков В.М. Всероссийский совет съездов торговли и промышленности в Омске (осень 1918 – осень 1919 г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск, 2008. С. 178–181 (0,25 п.л.).

23. Рынков В.М. Государственное призрение и общественная благотворительность в условиях антибольшевистских правительств на востоке России // Наука, экономика, право в регионах России : мат-лы межвуз. науч. конф. Нижневартовск, 2008. С. 120–125 (0,5 п.л.).

24. Рынков В.М. Возникновение и деятельность Всесибирского совета кооперативных съездов (вторая половина 1918 – начало 1920 г.) // Кооперация: история, теория, экономика, управление : мат-лы межд. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 30–33 (0,4 п.л.).

25. Рынков В.М. Функции денег в период революционной катастрофы 1917–1922 гг. в России: общее и особенное // Нумизматический альманах. 2008. № 2 (34). С. 8–9 (0,25 п.л.).

26. Рынков В.М. Репетиция классової ненависти: сельская жизнь в описаниях корреспондентов кооперативных журналов в предреволюционную и революционную эпоху // Человек – Текст – Эпоха : сб. науч. статей и мат-лов. Томск, 2008. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. С. 231–241 (0,6 п.л.).

27. Рынков В.М. Гражданская война на востоке России: проблемы историографии и проблемы историографического жанра // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь годы и десятилетия : мат-лы науч. конф. Самара, 2009. С. 65–76 (0,8 п.л.).

28. Рынков В.М. Попытки унификации денежного обращения на востоке России во второй половине 1918 – 1919 г. : экономические и социальные аспекты финансовых реформ // Экономическая история: Ежегодник 2009. М., 2009. С. 106–147 (2,3 п.л.).

29. Рынков В.М. Между политикой и экономикой: Иркутский кооперативный центр в 1918 – 1920-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2009. С. 209–213 (0,4 п.л.).

30. Рынков В.М. Казачество в социально-экономической политике антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.) // Первые Ермаковские чтения: «Сибирь:

вчера, сегодня, завтра» : мат-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 152–158 (0,6 п.л.).

31. Рынков В.М. Значение военно-служилого сословия в социальной политике Российского правительства адмирала А.В. Колчака // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. : сб. науч. статей. Хабаровск, 2009. С. 140–149 (0,5 п.л.).

32. Рынков В.М. Пресса, власть и общество восточных регионов России при антибольшевистских режимах // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений : мат-лы науч. конф. Архангельск, 2009. С. 241–244 (0,35 п.л.).

33. Рынков В.М. Антибольшевистские режимы на востоке России: мобилизационные возможности государства и общества // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт развития России в XX в. : мат-лы всерос. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 105–112 (1 п.л.).

34. Рынков В.М. Кооперативные организации и антибольшевистские государственные режимы на востоке России: ключевые проблемы, итоги и задачи изучения // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений : сб. науч. трудов. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 74–86 (0,75 п.л.).

35. Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны : сб. науч. статей. Новосибирск, 2009. С. 105–125 (1 п.л.).

36. Рынков В.М. История Гражданской войны на востоке России: от советского к постсоветскому источниковедению // Документ как социокультурный феномен : мат-лы IV всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. Томск, 2009. С. 414–419 (0,5 п.л.).

37. Рынков В.М. Военно-промышленные комитеты на востоке России (июнь 1918 – 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2009. № 15. С. 11–22 (1 п.л.).

38. Рынков В.М. Временное правительство – Приморская областная земская управа (31 января – 12 декабря 1920 г.) // Дальний Восток России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона : мат-лы межд. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2010. Ч. 1. С. 114–118 (0,25 п.л.).

39. Рынков В.М. Процессы деиндустриализации на Урале и в Сибири в годы Гражданской войны // Становление индустриально-

урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты : мат-лы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2010. С. 48–55 (0,5 п.л.).

40. Рынков В.М. Труд в «розовом» Приморье: государственное регулирование и рыночная стихия // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения : мат-лы межд. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 155–158 (0,3 п.л.).

41. Рынков В.М. Прожиточный минимум городского населения на востоке России в годы Гражданской войны // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке : сб. науч. статей. Новосибирск, 2011. С. 112–133 (1,2 п.л.).

42. Рынков В.М. Органы власти и управления Российской восточной окраины в январе–сентябре 1920 г. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : мат-лы XVII всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 154–159 (0,3 п.л.).

43. Рынков В.М. Кооперация и власть на Дальнем Востоке на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1922 гг.) // Кооперация: история и современность : мат-лы межд. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 49–53 (0,25 п.л.).

44. Рынков В.М. Сибирская деревня в годы Гражданской войны: устойчивые модели социальных практик и их трансформация // Сибирь. Деревня. Город : сб. науч. статей. Новосибирск, 2011. С. 13–25 (1 п.л.).

45. Рынков В.М. Между пенсионерами и предпринимателями: парадоксы социальной политики Временного Приамурского правительства (26 мая 1921 – 8 августа 1922 гг.) // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям : мат-лы межд. науч. конф. Мурманск, 2011. С. 198–202 (0,4 п.л.).

46. Рынков В.М. Волостные земства в Сибири в 1918 – начале 1920-х годов: место в системе органов власти и основные направления деятельности // Великие реформы 1860–1870-х гг. и аграрная Россия : сб. науч. трудов. Оренбург, 2011. С. 313–318 (0,5 п.л.).

47. Рынков В.М. Власть и собственники: к характеристике семеновского политического режима в Забайкалье в 1920 г. // История белой Сибири : сб. науч. статей. Кемерово, 2011. С. 166–170 (0,4 п.л.).

48. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций (1914–1920 гг.)

- // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 35–58 (в соавторстве; 1,5 / 0,75 п.л.).
49. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны : сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. Вып. 1. С. 95–126 (1,9 п.л.).
50. Рынков В.М. Жизнь сельского кооператива как зеркало идейно-политических процессов в сибирской деревне в предреволюционную и революционную эпоху // Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Оренбург, 2013. Вып. 4. С. 59–67 (0,5 п.л.).
51. Рынков В.М. Забайкальская кооперация в вихре бурных лет (1914–1920 гг.) // Кооперация: прошлое и настоящее : материалы и исследования научной школы изучения кооперации Ивановского гос. ун-та. Иваново, 2013. Вып. 2. С. 164–173 (0,5 п.л.).
52. Рынков В.М. Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реализация переселенческой политики в первое послереволюционное пятилетие // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке : сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. С. 108–137 (1,5 п.л.).
53. Рынков В.М. Временное областное правительство Урала: опыт строительства региональной автономии в условиях гражданской войны (август–ноябрь 2013 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны : сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 27–49 (1,3 п.л.).
54. Рынков В.М. Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1817–1920 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 140–172 (1,9 п.л.).
55. Рынков В.М. Крестьянское самоуправление в Сибири в эпоху военных и революционных потрясений: итоги изучения и новые научные проблемы // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы: Вторые чтения, посв. 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова. Уфа, 2013. С. 268–276 (0,5 п.л.).
56. Рынков В.М. Голодовки в Сибири в годы Гражданской войны: причины, масштабы, последствия // Голодовки в истории России XVII–XX вв. : мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2013. С. 79–84 (0,5 п.л.).

57. Рынков В.М. «Здесь будет город-сад»: войны и революция как фактор активизации садово-огородного хозяйства горожан в Сибири // Проблемы аграрного и демографического развития в XX – начале XXI в. : мат-лы II всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 45–48 (0,25 п.л.).

58. Рынков В.М. Муниципальный социализм: элементы в теории и практике на востоке России в годы Гражданской войны // Судьбы демократического социализма в России : мат-лы межд. науч. конф. М., 2014. С. 316–323 (0,5 п.л.).

59. Рынков В.М. Российское общество Красного Креста в Сынцзяне, Манчжурии и Приморье на завершающем этапе Гражданской войны (1920–1922 гг.) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции : прогр. и тезисы межд. науч. конф. Владивосток, 2014. С. 153–154 (0,2 п.л.).

60. Рынков В.М. Во имя спасения диктатуры: образование, реформирование и деятельность представительного-совещательного органа на востоке России (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика : сб. науч. статей. Новосибирск, 2014. С. 157–186 (1 п.л.).

61. Рынков В.М. Правовое регулирование как инструмент политической адаптации населения востока России к вызовам Гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. статей. Новосибирск, 2015. С. 145–182 (2,25 п.л.).

62. Рынков В.М. Членство в общественных организациях как канал социальной мобильности в годы Первой мировой войны // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.) : мат-лы межд. науч. конф. Новосибирск, 2017. С. 345–350 (0,5 п.л.).

63. Рынков В.М. Трудовые конфликты в Сибири в годы революции и Гражданской войны // 1917 год в судьбах народов России : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. Т. 1. С. 111–115 (0,4 п.л.).

64. Рынков В.М. Между дирижизмом и этатизмом: новации государственно-экономического строительства в Сибири в контексте российского опыта // ЭКО. 2018. № 2. С. 155–173 (1 п.л.).

65. Рынков В.М. Институты гражданского общества как лифты социальной мобильности: трансформирующее влияние Первой мировой войны // Личность, власть и общество в истории России : сб.

науч. статей, посв. 70-летнему юбилею д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 114–134 (1,3 п.л.).

66. Рынков В.М. Социальная политика в условиях экономической нестабильности: анализ сибирского опыта 1918–1920 гг. // Экономическая история Сибири : мат-лы V всерос. науч. конф. с межд. участием. Барнаул, 2018. С. 265–273 (0,5 п.л.).

67. Рынков В.М. Советская социальная политика в условиях завершения Гражданской войны: Сибревкомовский вариант (конец 1919 – 1922 г.) // Советский проект. 1917 – 1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2018. С. 185–192 (0,5 п.л.).

68. Рынков В.М. Социальная география Гражданской войны: восток России в 1918–1922 гг. // Гражданская война на востоке России (1917–1922) : мат-лы всерос. науч. конф. Новосибирск, 2019. С. 388–400 (0,8 п.л.).